

ATTENTION!

АВТОР РЕШИЛ ПЕРЕСМОТРЕТЬ СТИЛЬ ПОВЕСТВОВАНИЯ и теперь рассказ будет вестись от третьего лица, а не от первого, как в двух предыдущих главах. Так что прежде, чем строчить комментарий о том, что “автор, ты плаваешь в стилях”, еще раз перечитайте данное предупреждение. Эта (3 глава) и последующие будут вестись, повторюсь, от третьего лица. Приятного вам прочтения, аминь.

* * *

Молча голосила,

Петь его просила -

Не поёт.

Не поёт...

Ладан подносила,

Жить его просила -

Не живёт. *

Казалось, это происходило столько, сколько она себя помнит. Каждую ночь ворожея просыпалась от жалобного, еле слышного детского плача. В холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, прижимая руки к плоскому животу, она бросалась вон из избы. И только оказавшись на улице, босая, в одной исподней сорочке, понимала - уже слишком поздно. Стольким детям она указала путь в этот мир, а своему не смогла. Не сумела сберечь от злого глаза, от дурного слова.

- Бесово дитя носит, -шептались люди

- Тьфу, бастырча баюкает, - говорили за спиной.

А после к ней же бежали, в ноги падали:

- Горячка у Ждана, помоги унять!

- У буренки молоко в вымени свернулось, отведи беду!

- Агна третий день мучается, помоги разродиться!

Брала она свой туесок, и шла. Горячку унимала, сглаз отводила, роды принимала. Кому удачи приворожит, кому оберег сотворит, кому трав целебных принесет. И вот чем люди ей отплатили. Наговорили, нашептали, сглазили.

О том, что дело неладно, Веда смекнула не сразу. А когда поняла - было слишком поздно. Дите в ее чреве подменили. Неумышленно, но злое слово, по неосторожности брошенное, всегда цели достигает. Подхватит его Встречник, и до места доставит.

Уже срок подходил, когда беда нагрянула. Возвращалась ворожея из городища по темноте домой, тут то ее и схватило. Острая боль пронзила чрево, будто кто наживую режет. Тут же по бедрам тонкими струйками кровь потекла.

- Только бы дойти... Мокошь, убереги! Сохрани, - шептала Веда, придерживая ноющий живот, - не дай пропасть.

А потырча изнутри грызет, крови живой требует.

- Убереги, сохрани!

Словно в бреду до избы доползла. А как порог переступила, так потырча из нее и полез. Из последних сил натужилась ворожея, ухватила за веник полыни, и давай потырчу обхаживать, пока тот не утих. А как утих, закопала его под крыльцом и тут же без сил упала. Очнулась, когда уже солнце высоко палило. Обессиленная, вся в запекшейся крови. Хотелось лечь под это же крыльцо, рядом со свежей могилкой, и чтоб кто-нибудь сверху землей присыпал. И забыться, уснуть вечным сном. Но нельзя. Ее срок еще не пришел.

Встала Веда, и на непослушных ногах побрела к ручью, что недалеко журчал. Дошла до места, стянула с себя окровавленные тряпки и зашла по пояс в студеную воду. Пусть скверну смоем и унесет. Вода очистит, исцелит.

Сердце рвало в клочья, в голове точно кисель кипел. Но слез не было. Лишь тягучая бесконечная пустота.

- Значит, душа застыла.

Но страшно было не от этого. Чрево ее было истерзано, источено. Проклято. Не зачать ей больше дитя, не выносить, к груди не прижать. Одна... До конца дней одна. Из груди вырвался крик. Страшный, дикий, режущий. Пронесся по воде, коснулся нагретой полуденным солнцем травы, поднялся к макушкам ветхих сосен и растворился.

- Вот бы и мне так же, пронестись вихрем и раствориться в равнодушных небесах, - думала Веда, выходя из воды на берег. Тело онемело от холода и долгой неподвижности, кожа посинела и сморщилась. Но оно и к лучшему. Так проще.

Как и была, нагая, ворожея отправилась домой. Там, в ручье, она оставила не только окровавленную одежду, но и свое горе, свои мечты о счастливом материнстве и себя. Разбитую, раздавленную, сломленную.

С тех пор прошло уже немало зим, а будто давеча все случилось. Уняв дрожь в теле и отогнав остатки сна, Веда села на крыльцо, из под которого доносился плач, и запела тоненьким, охрипшим ото сна голосом:

Моя деточка усни,

Моя деточка усни

Колыбель качаю

Новый день встречаю

Моя деточка расти

Моя деточка расти

Словно колос вешний

Мой сынок потешный

Только детка не умри

Только рано не умри

Чтоб о жизни с Родом помнить

Мне о смерти говорить.*

Как только песня утихла, унялся и плач. Обычно это помогало, но иногда, особо в полнолуние, плач продолжался до первых петухов. Тогда кошмар наваливался заново, и Веда, не имея больше сил это терпеть, бежала вон, подальше от крика младенца. Но от себя не убежишь, голову с плеч не снимешь.

А все это случалось потому, что тогда, слабая и в бреду, ворожея закопала свое не рожденное дитя без обряда. И теперь каждую ночь просыпается потырча и имени просит. А насытившись чужим горем и страданием, засыпает вновь.

Посидев в полной тишине на крыльце своей избы, Веда поняла, что снова ей не уснуть. Где-то в углу запел сверчок, на чердаке закопошились мыши. Для ворожеи новый день настал. Умывшись дождевой водой из деревянной кадки, она вернулась в избу, распустила волосы и стала разводить Живой Огонь. Скоро Семик, а значит вот-вот Боги нашепчут имя новой избранной. Или обреченной, как Веда называла их про себя. Все они были разные, но в миг, когда их судьба была предрешена, выглядели одинаково. На лице гордость и превосходство, а глаза - пустые. И каждую было жаль. Ведь могли бы замуж выйти не за Речника, а за обычного мужика. Нарожать ему детей мал-мала, латать ему портки, варить щи. Смотреть, как растут и вырастают детки, как улетают из родимого гнездышка. Покинуть этот мир старой и немощной, когда придет срок, и разделить стол с давно умершими предками, там, за чертой. Но нет. Болтаться им между мирами в холодной мутной воде, чесать зеленую бороду Речному хозяину, вычищать песок из его чешуи и с годами превратиться в речную тину или ил. Жалко, ой как жалко. Но от судьбы не уйти, Богам перечить нельзя.

Как только Живой Огонь разгорелся, ворожея поставила на него ковш с ключевой водой, бросила в него серебряное кольцо и прошептала:

- Вoroжить не колдовать -

О тебе хочу узнать.

Мне Невесту покажи,

Обо всём мне расскажи, - и стала всматриваться.

Иногда Невеста показывается за долго, а иногда только в самый Семик. Вот и в этот год уже которую ночь по воде только рябь ходит. До желтых кругов перед глазами смотрела Веда, боясь моргнуть и проглядеть. Но Боги молчали, и вода в ковше была прозрачной и пустой.

- Значит, еще не решили, - подумала она.

Но только взялась прихваткой за ковш, чтобы снять его с огня, вода забурлила, пошла пузырями, а в обрамлении кольца показалось знакомое лицо. Увидела его ворожея, да так и

охнула, выронила ковш, расплескала горячую воду. Не иначе, Боги смеются над ней.

- Только не она, пусть я ошиблась!, - шептала Веда, спеша повторить ритуал.

Но и в этот раз, как забурлила вода в ковше, из каймы серебряного кольца, хмурясь, на нее смотрело юное лицо, обезображенное большим родимым пятном.

* Стихи взяты из текстов песен группы "Мельница"

<http://tl.rulate.ru/book/2048/42038>